

Власть и народ

Павел
Вощанов

Ельцин как наваждение

Записки
политического
проходимца

Павел Игоревич Вощанов
Ельцин как наваждение.
Записки политического
проходимца
Серия «Власть и народ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275191

*Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца / Павел
Вощанов.: Родина; Москва; 2019
ISBN 978-5-907024-85-4*

Аннотация

Журналист Павел Вощанов познакомился и сблизился с Борисом Ельциным в начале 1988 года, когда экс-руководитель Московского горкома КПСС был сослан на «аппаратное перевоспитание» в Госстрой СССР. Спустя год, когда будущий первый президент России ушел в большую политику, Вощанов начал исполнять обязанности пресс-секретаря Ельцина; во время августовского путча 1991 года именно Вощанов проводил пресс-конференции в стенах Белого дома. В феврале 1992 года из-за растущих личных разногласий с Ельциным Павел Вощанов подал в отставку. В своей книге он приводит невероятные подробности фантастического взлета Бориса Ельцина, рассказывает о тех

людях в России и за рубежом, которые поддержали опального поначалу политика и помогли ему подняться, говорит о причинах растущего влияния Ельцина и его конечной победы в 1991 году. Книга Воцанова действительно уникальна, ведь он как пресс-секретарь президента знал много такого, что было неизвестно остальным.

Содержание

Несколько историй в качестве предисловия	5
Глава 1	25
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Павел Вощанов

Ельцин как наваждение.

Записки политического

проходимца

Борис Николаевич, в силу известных причин, нетребователен к своему окружению, поэтому часто становится жертвой разного рода политических проходимцев. Один из таких – Павел Вощанов. Человек, несомненно, талантливый, но вы не представляете, что он вытворяет за спиной президента!

Из интервью Анатолия Собчака ТРК «Петербург»

Несколько историй в

качестве предисловия

*Есть ереси поколения
от Ельцина до Вощанова.
Я прекращаю прения.
Заверещаю.*

Из поэмы Андрея Вознесенского «Большое

Так уж случилось, что свои зрелые годы (а у мужчины «зрелые годы» – это такой период жизни, когда для смешливых тургеневских барышень он уже стареющий дядя, а для степенных бальзаковских дам все еще молодой человек) я посвятил российской политике. Все началось со спонтанно возникшего желания что-то круто переменить в собственной жизни. Вопреки советам коллег спрятал в сундук написанную, но еще не защищенную докторскую диссертацию, распрощался с Институтом экономики, где чувствовал себя эдаким мадагаскарским тараканом в домашнем террариуме, от которого хозяевам ни пользы, ни удовольствия, и поступил на работу в «Комсомольскую правду». В ту пору это была самая многотиражная советская газета, подспудно, иной раз сама того не ведая, насаждавшая в стране политическое инакомыслие.

Никогда не забуду свою первую заметку, посвященную тому, что вроде бы знал не понаслышке – интеллектуальному убожеству отечественной экономической науки, которая вместо поиска эффективных путей развития страны занималась обслуживанием правящей партийной верхушки, придавая наукообразие ее абсурдным и бесплодным идеям. Прочитав мое творение, Владимир Сунгоркин, в ту пору редактор Рабочего отдела КП и мой непосредственный начальник, произнес не вдохновляющее, но обнадеживающее

«Сойдет» и поручил молодому журналисту Борису Утехину слегка «причесать» текст. Через несколько дней, развернув свежий номер своей газеты, я увидел свою фамилию на второй полосе, и сердце радостно ёкнуло: напечатали! Но какое же было огорчение, когда, начав читать, понял, что Утехин переписал все, как говорится, от «А» и до «Я», и его текст оказался намного лучше моего. Настолько лучше, что и сравнивать нечего.

Как же мне тогда было стыдно! Хотелось уволиться и навсегда забыть дорогу на улицу Правды. Но как-то сумел себя пересилить, сделал вид, что ничего страшного не случилось, и даже получил гонорар за заметку Бори Утехина, подписанную моим именем, который, правда, в тот же день был пропит с коллегами по Рабочему отделу. Мне очень хотелось остаться в «Комсомолке». Очень! Здесь мне все было по душе. Особенно новые товарищи, молодые, азартные и бесшабашные. Да меня, в общем-то, никто из редакции и не гнал. Все, от Главного до стажеров, понимали, что первый газетный блин еще ни о чем не говорит. Время покажет, на что я способен. Но для себя вывод я все-таки сделал – надо учиться газетному ремеслу. И, наверное, у меня это получилось, потому как спустя полтора года я уже был лауреатом высшей премии Союза журналистов СССР «Золотое перо», а моя почта в «Комсомолке» стала одной из самых многочисленных.

Это были годы, насыщенные переменами и свободомыс-

лием. Какую бы критику сегодня ни наводили на Горбачева, но только при нем и только благодаря нему мы научились говорить и писать то, что думаем. Разумеется, в чем-то ошибались, частенько перегибали палку, но после стольких лет жизни в атмосфере полуправды и тщательно продуманного обмана эти издержки были практически неизбежны.

До прихода в газету я много лет рядом писал отчеты о результатах научной работы, которые фактически не требовали от меня никаких умственных усилий. Заказчик (а им могло быть любое госучреждение, от союзного министерства до планового отдела какого-нибудь строительного треста в северном Нарьян-Маре) заранее формулировал то, к чему должна прийти моя высоконучная мысль, и это непременно увязывалось с задачами, вытекающими из последних решений Коммунистической партии. Как правило, я садился за работу не ранее, чем за месяц-два до установленного срока сдачи, потому как наверняка знал, что кроме моего институтского руководства этот труд прочтает лишь один человек на Земле – какой-нибудь никому не нужный чиновник какого-нибудь никому не нужного управленческого подразделения. А, может быть, даже и тот не станет попусту утруждаться – подмахнет отчет, ритуально пригрозив, что делает это в последний раз и что больше подобных послаблений не будет. Но на следующий год все повторится. По сути, жизнь тратилась на то, что никому, и в первую очередь мне самому, не было нужно.

Теперь же я получал несказанное удовольствие от творчества, которого прежде не испытывал и даже не представлял, что такое возможно. Сначала писал о прелестях мне самому неведомой рыночной экономики и о полной бесперспективности централизованного планового руководства, а после, с не меньшей страстью, принялся сокрушать устои советской тоталитарной системы, погубившей миллионы человеческих жизней и, в конечном счете, не давшей людям ничего, кроме скромного достатка и гражданского бесправия. И всякий раз получал в ответ неподдельное кипение страстей. Меня восхваляли и ругали десятки, если не сотни тысяч прочитавших очередную мою заметку.

А потом я повстречался и сдружился с Борисом Николаевичем Ельциным, и с этого момента моя жизнь сделала еще один крутой вираж. Некто Геннадий Алференко, в свое время возглавлявший Фонд социальных инициатив и организовавший скандально известную поездку опального политика в США, в своих интервью не раз утверждал, что это-де он нас познакомил и только благодаря его стараниям Воцанов оказался в команде будущего президента России. На самом деле впервые мы встретились еще в Екатеринбурге, где Ельцин отвечал за строительство, а я был прислан из столичного НИИ в помощь тамошним экономистам для решения того, что не имело разумного решения – требовалось сбалансировать объемы строительных работ с мощностями дислоцированных в регионе подрядных организаций. Однако по-насто-

ящему сблизилась и стали сотрудничать мы уже в Москве, и произошло это благодаря Льву Суханову, помощнику Ельцина по Госстрою СССР, куда тот был сослан на аппаратное перевоспитание.

Я наблюдал Ельцина в разных его ипостасях – как опального чиновника, как депутата-оппозиционера, как главу парламента, как руководителя исполнительной власти одной из республик в составе СССР и, наконец, как президента Российской Федерации, провозгласившей себя суверенным субъектом международного права. По сути, это были разные люди, и каждый последующий импонировал мне меньше предыдущего. С последним, с Ельциным-президентом, я вообще проработал недолго, чуть более года. Когда стало совсем невмоготу, не попрощавшись, не сдав дела и даже не получив расчета, ушел из Кремля на вольные хлеба (правда, оказалось, что они не такие уж и вольные) и со страниц разных газет принялся обличать политический курс своего бывшего босса. Но о нем самом не написал ни слова, хотя было что вспомнить и о чем рассказать. Откровения позволял себе разве что в общении с самыми близкими мне людьми, да и то в обстановке дружеского застолья, когда сдерживающие центры головного мозга расторможены горячительными напитками.

Мне казалось, в своих рассказах я объективен, а то, что в них Борис Николаевич иной раз не блещет эрудицией и мудростью, так в том нет моей вины. Как говорится, что на-

блюдал, о том и пою. Но однажды мне довелось несколько дней провести в обществе корифея мировой офтальмологии Святослава Федорова, после чего я переменил мнение о собственной беспристрастности. Было это в ту пору, когда всемирно известный ученый задумал создать Партию самоуправления трудящихся. Идея благородная по своей сути, но абсолютно иллюзорная по возможностям реализации.

Днем мы встречались с его многочисленными сторонниками, а вечера коротали вдвоем или в компании его особо приближенных однопартийцев. Обстановка была дружеской и весьма доверительной, что, видимо, и сыграло со мной злую шутку – я нарушил данное самому себе слово никогда при посторонних ничего не рассказывать о своем кремлевском житье-бытье. Федоров слушал мои байки без комментариев и ограничивался междометиями, выражающими то удивление, то досаду. Но спустя несколько дней, когда мы уже вернулись в Москву и прощались в аэропорту, он вдруг заметил как бы невзначай:

– Я не слишком большой поклонник Ельцина, но мне кажется, он все же не совсем такой, каким ты его рисуешь.

– Есть сомнения в моей правдивости?

– Ни в коем случае! – доктор обнял меня за плечи, давая понять, что не хотел обидеть. – Но заметь, во всех твоих рассказах о Ельцине есть два главных героя – он и ты, и ты всегда мудрее и дальновиднее.

Боже ж ты мой! Оказывается, все эти дни в глазах ака-

демика я выглядел мстительным хвастуном! Мне стало так неловко, так стыдно за себя, что, не зная, чем оправдаться, промямлил: но ведь я же рассказывал только то, чему сам был свидетелем.

– Я в этом и не сомневаюсь. Но пойми, так устроена человеческая память. В ней есть стержень, на котором держатся все воспоминания, и этот стержень – наше «Я». Оно и превращает достоверность в субъективную оценку.

– Это что же выходит, в свидетельствах очевидцев не может быть исторической правды?

– Очевидцы, если они порядочные люди, всегда говорят правду. Но то, что они говорят, нельзя считать исторической достоверностью. Из каждого такого свидетельства нужно обязательно отсеять все личное: «Я подумал... я увидел... я понял... я почувствовал... я удивился». И если без всех этих «Я» что-то от воспоминаний останется, о том и можно будет сказать: все так и было!

То, что он говорил, было понятно по сути. Непонятным было другое – как такое возможно практически применить, к примеру, в работе над книгой о Ельцине, если задумаю ее написать? Будут в ней эти хвастливые «Я» или их не будет вообще – это же ничего не изменит. Как бы я ни старался скрыть свое присутствие в тех или иных исторических эпизодах, оно все равно вылезет. Явно или неявно.

– Пиши так, будто это какой-нибудь flashback, – и почувствовав мое удивление, спросил: – Не знаешь, что это такое?

А ты почитай книгу двух канадских нейрохирургов «Эпилепсия и функциональная анатомия мозга». Уверен, после этого у тебя не возникнет вопроса, как писать книгу о Ельцине.

Знакомый врач-психиатр, услышав мой вопрос о том, есть ли у него книга Пэнфилда (Penfield W.) и Джаспера (Jasper H.), обеспокоенно поинтересовался: у тебя какие-то проблемы? Пришлось сказать, что книгу советовал почитать Святослав Николаевич Федоров. Обеспокоенность сменилась ехидной усмешкой: слава Богу, что совет дал офтальмолог, а не проктолог.

– Это еще почему?

– Ну, глаза все же ближе к мозгу, чем ж***а!

Несмотря на насмешки, я буквально силой заставил себя прочитать сей высоконаучный труд от корки до корки. Но, как и следовало ожидать, ровным счетом ничего в нем не понял, кроме одного тезиса, который ученые сформулировали не как предмет своего исследования, а как сопутствующий ему постулат. Видимо, к его восприятию мой интеллект оказался более или менее пригоден. Он, этот самый постулат, поразил меня до глубины души: оказывается, в своих воспоминаниях о прожитом и пережитом человек бывает безукоризненно объективен лишь какую-то долю секунды! За пределами ее он уже несвободен в суждениях, ибо не может полностью отвлечься от своих самооценок и самооправданий, от гордыни и обид, от субъективности людей, к мнению ко-

торых привык или обязан прислушиваться. Как ни стараясь, все это в той или иной мере искажает рисуемую памятью картину прошлого. И неважно, в лучшую или в худшую сторону. Главное, что в действительности все было не совсем так или даже вовсе не так.

Признаюсь, до того, как я прочел ту книгу, никогда не задумывался, что память по природе своей не может быть беспристрастной. А это значит, что в любых воспоминаниях о прожитом неизбежно присутствует толика субъективности. У одних она бросается в глаза, у других едва заметна. Но она неизбежна. Но тогда что же это за «секунды безукоризненной объективности»? Это и есть тот самый flashback, о котором говорил мне Святослав Федоров – «феномен внезапного и неконтролируемого воспроизведения в сознании человека ярких зрительных и слуховых образов, которые переживаются им как образы воспоминаний». Науке он хорошо известен, а я, наверное, раз сто прочитал это определение, напряг интеллект до критических перегрузок, но не мог понять, что стоит за его мудреностью. Наверное, так бы и не понял, если б не применил к самому себе.

Думаю, такое хоть однажды испытывал каждый из нас.

Представьте себе: вроде все как обычно, ничего неожиданного, и вдруг какая-то мелочь, сопутствовавшая конкретному эпизоду прожитой тобою жизни (легкое дуновение ветерка, запах духов, скрип трамвая, карканье вороны – да что угодно!), на какую-то долю секунды возвращает тебя в си-

туацию давно и навсегда ушедшего времени. И это никакое не дежавю, не осознание того, что происходящее с тобой в данный момент уже когда-то происходило и вот удивительным образом повторилось. Про такое состояние плюсквам-перфекта вообще нельзя сказать: «Вдруг вспомнилось», потому что ничего не вспоминалось. Именно ОЩУТИЛОСЬ. Причем настолько явственно, что кажется, будто ты и на самом деле переместился в то время и в те обстоятельства.

Оно, это ощущение былого, возникает неожиданно и независимо от твоих эмоций. Совсем как обморок или эпилептический припадок. Все длится какое-то мгновение, а потому не дает возможности разобраться в происходящем. Закрываешь глаза, замираешь, стараешься носом уловить ускользающий аромат былого, но ничего не выходит – пришел и сразу ушел, растворился, оставив после себя удивление: что же такое со мной только что было? Чудно! И как-то беспокойно: часом не тронулся ли я умом?! Но ты здоров и умом и телом, а то, что с тобой случилось, это и есть flashback – неуправляемая вспышка памяти. Не воспоминание о том, что когда-то происходило с тобой, а ощущение некогда происходившего. В нем, в этом ощущении, нет ничего личного, а, стало быть, нет ни малейшей фальши. Оно лишено какой бы то ни было предвзятости. Секундная беспристрастность.

Спустя год академик Федоров напомнил мне про тот разговор о памяти и воспоминаниях. В ту пору я вел на Радио-1

политическую программу, и он пришел ко мне на эфир.

– Ну что, еще не написал свои исторические мемуары?

– Нет.

– Что так? Ленишься?

– Жду, когда на меня снизойдет flashback.

– А-а, так ты все-таки прочитал?! Молодец! Жаль только, что не понял в ней главного.

– А что главное?

– Память сосредотачивается на общей картине, flashback – на деталях. Подумай над этим.

И я подумал.

«Вспомнить прошлое» и «ощутить прошлое» – в чем разница? В деталях. Она примерно такая же, как между тщательно выписанной акварелью и фотоснимком. Взгляд живописца выхватывает из увиденного только важные для его замысла детали – поле, речку, мостик, солнышко на небе, птичек на деревьях, пейзажок с косами. Его творение – продукт творческого воображения, иллюзорное воспроизведение действительности. Фотоснимок же фиксирует все, «как оно есть», и в этом смысле он много ближе к реальности. Человек, если это не лжец и не фальсификатор, рассказывая о каких-то событиях, свидетелем которых он был, крайне редко искажает общую картину. Он осознанно или неосознанно искажает детали, порой несущественные и сопутствующие чему-то главному. Но вот ведь в чем парадокс – для его читателя или слушателя они, эти самые детали, как правило,

оказываются важнее важного и именно из них он складывает собственное представление о прошлом.

И какой же из всех этих рассуждений следует вывод? Чтобы приблизить пристрастные воспоминания о прошлом к беспристрастному ощущению прошлого, нужно по возможности исключить из них собственное «Я» и сосредоточиться на деталях. Конечно, это еще не гарантия объективности, но все же шанс не скатиться к самолюбованию и не уверовать в собственную непогрешимость.

...Детство мое прошло в Карлсхорсте, пригороде еще не оправившейся от войны германской столицы. Одни говорили, что я – дитя освободителей, другие – что оккупантов. А я мечтал вернуться в Россию и считал дни, остающиеся до отцовского очередного отпуска. Время тянулось медленно, и мне казалось, мы никогда не уедем домой. И тогда я начинал думать о том, как было бы здорово, если б в Берлине случилось землетрясение и разрушило наш здешний дом (почему именно землетрясение, а не что-то еще, до сих пор не могу понять). Тогда нам стало бы негде жить, и мы наконец уехали туда, где все говорят по-русски, где зимой выпадает белый-пребелый снег и не тает до самой весны, где летом можно посидеть с мальчишками на берегу неторопливой речки и полюбоваться, как поплавок задиристо подрагивает от поклевки хитрых ершей.

Я очень хотел домой, и поэтому все вокруг было немило. Даже немногочисленные немецкие дружки-приятели, с

которыми облазил все в округе, включая разрушенные бомбежками дома и сохранившиеся блиндажи да окопы. Рассорившись из-за чего-нибудь – в какой мальчишеской компании не бывает ссор? – я плевал в них самым страшным ругательством того времени: у-у, фашисты! Бить озлобившегося «освободителя» друзья не решались, но жаловались своим родителям, а те, соответственно, моему отцу. Отец брал в руки ремень и охаживал по тому месту, коим, по его разумению, я думал вместо предназначенной для этой цели головы.

Но однажды мои мечты стали явью – мы сели в поезд и поехали на восток. И не в отпуск, а навсегда. Сначала за окном мелькала ухоженная бюргерская Германия, за ней – очаровательная крестьянской простотой Польша, а за пограничным Бугом... Спустя год я уже видел во снах, будто гуляю по мощеным брусчаткой улочкам Карлсхорста, вдыхаю осенний запах горящих в топках угольных брикетов и чувствую вкус хрустящей белоснежной булочки за пять пфеннигов. Все, что было в прошлом, стало «у нас в Берлине». Одноклассники, подметив это, обзывали меня то Фрицем, то Гансом, то фюрером. Я бросался на них с кулаками и почти всегда был бит, потому как не имел должных навыков кулачного боя. А не имел потому, что вырос среди карлсхорстских хулиганов, коих в сравнении с нашими дворовыми башибузуками вполне можно было считать образцовыми паймальчиками. Я тосковал по своим берлинским приятелям и даже написал им несколько писем, но ответа ни от одного так

и не получил. А когда подрос и присмотрелся к советским реалиям, то понял, почему не приходили ответы, — я был по другую сторону «железного занавеса».

Много лет я мечтал побывать там, где прошло мое детство. И если б не Горбачев с его Перестройкой, эти мечты так и остались бы мечтами. Но страна стала свободнее, и гражданам милостиво дозволили выезжать за рубеж. Правда, поглядеть на мир отправились немногие, а лишь те, кто мог раздобыть хоть немного не «деревянной» валюты. У меня таких возможностей не было. Зато они были у известного оппозиционера Бориса Николаевича Ельцина. Он и предложил мне вместе с ним и Львом Сухановым съездить в Германию на презентацию его недавно изданной там книги, обличающей пороки советской действительности.

...Самолет в Берлин вылетает из Шереметьево рано утром. Суханов определенно не выспался — дремлет в кресле, даже отказался от завтрака. Ельцину это явно не нравится. Он не любит хотя бы ненадолго оставаться без внимания подчиненных. Поэтому как могу развлекаю его рассказами про свой берлинский дом, про свою улицу, про школу, в которой учился до пятого класса, про парк, что за старым немецким госпиталем, где, не знаю почему, мы находили в земле много значков с фашистской символикой. И, конечно, про гаштет с умопомрачительным айсбаном и ароматными жареными сардельками.

— Я покажу вам такую Германию, какой вы нигде больше

не увидите!

Ельцин недовольно морщится: «Мы на экскурсию едем или по делу?», но по его добродушному тону чувствую – если позволит время, может, и согласится.

И вот мы в Карлсхорсте. Удивительно, но он ничем не напоминает мне мое детство! Ельцин не желает даже смотреть в мою сторону. Если начинаю что-то объяснять, демонстративно отворачивается и раздраженно спрашивает верно-го оруженосца Суханова: «Ну и чего мы тут делаем?!». Тот сокрушенно разводит руками и бросает в мою сторону полный мольбы взгляд: скажи же что-нибудь! В конце концов я не выдерживаю и решаюсь на отчаянное заявление:

– Не понимаю, Борис Николаевич, за что вы на меня так сердитесь. Я же не мог знать, что за те годы, что меня здесь не было, Германия так изменится.

То, что мы увидели, лишь архитектурой напоминало улицу моего детства. Восточного вида мужчины, сидящие кружочком на низких стульчиках со стаканчиками чая в руках. Громкая гортанная речь. Окурки сигарет, брошенные на тротуар. Ароматы баранины, пережаренного лука и пряностей, несущиеся из раскрытых настежь окон. Гремящая на всю округу музыка, по стилистике весьма далекая от немецкой. Пригнувшиеся, будто от врожденного испуга, женщины в черных одеяниях. Но, пожалуй, самая разительная перемена – лавка с истекающей жиром шаурмой на месте гаштета с айсбаном и сардельками. Другие люди и другая эстетика

жизни. Не лучше и не хуже – просто другая, не имеющая ничего общего с той, что я помнил. Германия стала другой Германией.

Вечером за ужином Ельцин уже не выглядел раздраженным и даже позволил себе благодушно пошутить по поводу моего фиаско:

– Что ж, давайте выпьем за Павла! Он сегодня показал нам такую Германию, какой мы нигде, кроме как в Турции, не увидели бы!

Но на следующий день шеф меня удивил. Можно сказать, поразил. Мы ехали в машине с какой-то встречи. Сидящий на заднем сидении Ельцин всю дорогу молчал, и вдруг тронул меня за плечо. Я обернулся.

– То, что мы вчера видели, – почему немцы оттуда уехали?

Признаться, я слегка опешил, поскольку не ожидал услышать от него вопрос о неудавшейся экскурсии.

– Так их там с 45-го года не было. Это же был охраняемый район, где жили семьи советских офицеров. А когда наши войска вывели, давно не ремонтировавшиеся дома и квартиры опустели. Вот их иммигранты по дешевке и раскупили.

– Понятно.

Казалось, Ельцин для себя все прояснил, и продолжения разговора не будет. Но я ошибся. Мы уже подъезжали к гостинице, когда он вдруг произнес, скорее для себя самого, нежели для нас с Сухановым:

– Освободиться от коммунизма тоже надо было с умом.

Мне очень захотелось, чтобы он развил свою мысль, и я, сделав вид, что не расслышал, повернулся и переспросил: что надо было делать с умом? Ельцин сидел с закрытыми глазами, будто спал. Суханов приложил палец к губам: тише, не трогай его!

...С того дня прошло почти четверть века. Не скажу, что я напрочь забыл его, но все же вспоминал крайне редко. Не такой уж он и значимый в моей жизни. И вдруг однажды, не знаю почему, всем своим нутром ощутил то дождливое осеннее утро, тот запах горящих в топках угольных брикетов, тот шелест опавшей листвы под ногами. А главное – ощутил присутствие моих тогдашних спутников, и вновь испытал внутренний дискомфорт из-за того, что поездка в район моего детства не задалась, хотя, поддавшись моим уговорам, ради нее отказались от завтрака с каким-то очень важным депутатом германского Бундестага.

Этот мимолетный экскурс в прошлое заставил меня сесть за стол и положить на бумагу все, что вспомнилось о том дне. И сразу мое собственное «Я» стало в этой истории самым главным, самым мудрым, самым дальновидным, и вообще самым-самым. Вот тут я с чем-то не согласился, вот присоветовал что-то умное, вот кого-то резко осадил, а после кого-то высмеял. Воспоминание о времени стало воспоминанием о самом себе. А кому оно интересно? Никому. Написанное отправилось в корзину, а на идее сотворить «хорошую книгу про Ельцина» был поставлен крест. Раз и навсегда.

...С того дня минуло четверть века. Многое во мне за эти годы переменялось. Стали мучить воспоминания и появлялся труднопреодолимый соблазн ими с кем-нибудь поделиться. Конечно же, это старость. Любой из нас может заметить подобное по своим родственникам, из которых в их относительно молодые годы слова о прожитой жизни невозможно было вытянуть, зато с возрастом не знаешь, как увильнуть от задумчивых вступительных аккордов: «Помню, однажды... Вот был у нас случай... Прихожу как-то раз...» Успокаиваю себя тем, что я еще не столь зануден в своем желании покопаться в прошлом, и что мои рассказы для кого-то могут представлять интерес. Главное – не позволить себе оценки вселенского масштаба. Не мой уровень. Нужно сосредоточиться на деталях. Неважно каких – значимых или малозначительных, привлекательных или отталкивающих. Какие запали в память, пускай такие и будут. И ни в коем случае не ставить перед собой цель кого-то шокировать. А еще, по возможности, исключить из повествования свое «Я». Не личное местоимение как таковое, от него никуда не деться, а собственное мнение, собственную позицию, собственные оценки происходившего. Кто знает, вдруг да удастся хоть на йоту приблизиться к беспристрастности?

Хотелось бы, чтоб прочитавший написанное смог хоть немного ПОЧУВСТВОВАТЬ суть того сумбурного, но поворотного для миллионов людских судеб времени, которое придворные летописцы помпезно именуют «эпохой Ельци-

на». А если не сможет, какой тогда прок от всей этой писанины? Только один – автор освободил душу от переполнявших ее воспоминаний. Как сказано древним мудрецом: «И да возрадуется всяк изведавший вкус воли своей душевной!».

Глава 1

Америка нам голову вскружила (запоздалое откровение)

Этот апрель 1989-го останется в памяти навсегда. Геннадий Алференко и его «Фонд социальных изобретений» подарили нам незабываемые 20 дней – мы, авторы и журналисты «Комсомольской правды», объездили Америку от Атлантики до Тихого океана! Наш тур назван организаторами не без оригинальности – «Мое открытие Америки». Нас разбили на группы по четыре человека и каждой предложили свой маршрут. Для нас ничего специально не придумывали. Показывали все, как оно есть. Мы жили в обычных, ничем не примечательных семьях, общались на любые темы и без оглядки на кого бы то ни было, устраивали презентации блюд национальной кухни и веселые пикники на природе, ходили по магазинам и барам, а однажды даже побывали на молодежной вечеринке и поучаствовали в настоящей морской рыбалке. Для нас это действительно стало открытием страны, необычной и во многом привлекательной.

Но все в этом подлунном мире имеет свое начало и свой конец. Мы возвращаемся домой. Самолет разбежался и взмыл в небо: прощай, солнечная Америка! Впереди заснеженная, а может, уже и слякотная Москва. В кресле ря-

дом со мной расположился Виктор Ярошенко, месяц назад победивший на первых альтернативных выборах и ставший народным депутатом СССР. Он, как и я, как и все мы, переполнен впечатлениями, которыми спешит поделиться:

– Знаешь, я, кажется, понял, в чем сила Америки.

– И в чем же?

– В ее притягательности. Сюда хочется приехать еще раз.

– Думаю, в следующую поездку нас с тобой Алференко уже не позовет. У него наверняка очередь стоит из тех, кто еще ни разу не ездил.

– А я знаю, что надо сделать, чтоб позвал, – Ярошенко наклоняется ко мне и, понизив голос до полусшепота, торжественно объявляет: – С нашей помощью Америку для себя откроет Борис Николаевич Ельцин!

– Не думаю, что ему нужен такой туризм.

– Нужен! Потому что ему важно, чтобы Америка открыла для себя Ельцина!

Идея не кажется мне осуществимой по двум соображениям. Во-первых, сомнительно, что Ельцин согласится ехать за океан по линии алференковского фонда. У него, наверняка, масса своих возможностей. А во-вторых, не факт, что он, если все же и согласится, то захочет нас с Виктором взять с собой. У него, поди, уйма помощников, которые спят и видят, как бы составить ему компанию в какой-нибудь поездке. Не то что в Америка, а хоть бы в подмосковную Коломну. Но Ярошенко настроен решительно:

– Помощников, у него, может, и уйма, но только ни одному из них пока эта идея в голову не пришла. А нам с тобой пришла! Почему бы не попробовать? Мы же ничем не рискуем! – депутат Ярошенко настроен решительно: – На днях поговорю об этом с Ельциным.

Впереди многочасовой перелет, да еще с промежуточной посадкой в Ирландии. Утомительно, зато есть время обо всем подумать. И о том, что было, и о том, что может быть. Виктор прав – в Америке хочется побывать еще раз. Но сила ее не в этом – она рождает желание действовать!

Да, все хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Закончился и наш тур. Мы покидаем вполне благополучную страну и возвращаемся домой, где все расплзается, как в истлевшем от времени лоскутном одеяле.

Спустя три года, уже работая в Кремле, мне довелось ознакомиться с хранившимися в аппарате М.С. Горбачева донесениями резидентуры советской разведки в Америке, в которых сообщалось о специальных программах, подготовленных ЦРУ, совместно с Госдепартаментом, цель которых – «организовать визиты в США как можно большего числа граждан СССР, способных оценить исторические преимущества американской модели развития, с тем, чтобы в последующем внедрять эту идею в массовое сознание». Под эти программы якобы Белый дом выделил немалые средства, а их практическая реализация была поручена специ-

ально подобранным неправительственным организациям.

Не могу и не имею возможности ни опровергать, ни подтверждать эту информацию. Все может быть. Но факт остается фактом – «Фонд социальных изобретений» Геннадия Алференко, чуть ли не ежемесячно возивший в США группы по несколько десятков человек, финансировал свою заокеанскую программу «Мое открытие Америки» за счет пожертвований из-за океана. Иначе в ту пору и быть не могло, поскольку в Советском Союзе таких денег взять было не у кого. Даже у кооператоров, богатевших на шашлыке, самопальных джинсах-варенках и платных туалетах. Страна погрязла в болоте всеобщего безденежья. Организовать зарубежную поездку – не то что в Штаты, в соседнюю Польшу! – хотя бы одного-двух «социальных изобретателей» было серьезной проблемой. А тут – сотни человек! Да не куда-нибудь, а за океан. И не на пару дней, а почти на месяц. Но, признаться, в ту пору я меньше всего думал о том, кто и с какой целью финансирует мой вояж. Убедил себя, что это наверняка какие-то меценаты. Они, вероятно, как и я, устали от взаимного недоверия и мечтают с помощью гражданских инициатив сделать мир более комфортным для совместного проживания.

Не могу сказать, что не разглядел изъянов тамошней обыденности. Первое же утро в Нью-Йорке дало возможность убедиться, что не все тут так благостно, как кажется на первый взгляд. Организм мой еще жил по москов-

скому времени, а потому ночь прошла без сна. Едва рассвело, спустился в холл гостиницы (это был первый и последний случай, когда нас разместили не в семьях, а в меблированных комнатах, принадлежавших какой-то ассоциации молодых христиан) и вышел на улицу. И что же увидел? Горы сваленных на тротуар коробок и мешков с мусором, в которых рылись какие-то люди, преимущественно чернокожие. Одни были явно бездомными, другие выглядели вполне благополучно.

Тогда Москва еще не знала, что такое бедность, роющаяся в помойках. Поэтому увиденное должно было произвести сильное впечатление, но не произвело. Я был буквально ошарашен парадными атрибутами здешнего благоденствия – сверкающими в лучах восходящего солнца небоскребами, припаркованными машинами, невиданного многообразия и невиданной красоты, зеркальными витринами магазинов с разложенными в них товарами. Такие не то что купить, увидеть на советском прилавке – мечта несбыточная. После нашей донельзя разоренной, погрязшей в тотальных дефицитах страны Америка произвела ошеломляющее впечатление. Совсем как в стихах поэта-эмигранта, книжку которого мне сунули в руки на одной из встреч:

Америка нам голову вскружила,

Америка нам душу веселит...

Виктор Ярошенко – человек, ценящий дружеские отно-

шения. Поэтому время от времени звонит и рассказывает про то, как продвигаются его переговоры с Ельциным, Сухановым и Алференко. Но его «отчеты о проделанной работе» воспринимаю без особого интереса. Чувствую, мне в этой заокеанской поездке, если она, конечно, вообще состоится, едва ли доведется участвовать. Все происходит не так, как предполагалось по пути из Нью-Йорка. Тогда говорилось: «Мы встретимся... Мы предложим... Мы убедим...», сегодня слышу то же самое, но уже с местоимением «Я». А это далеко не одно и то же.

В канун Первомая в редакции «Комсомолки» оживленнее обычного. Может, это оттого, что номер сдается шестиполосным – заметок больше, а потому и дежурящих по ним авторов больше. А, может, в отделах уже начали отмечать День печати, а это предполагает дружеское застолье со 100-процентной явкой. В приемной главного редактора сталкиваюсь с социальным новатором Геннадием Алференко. Тот хватается меня за локоть и тащит в коридор, подальше от секретарских ушей.

– Слушай, я хочу, чтобы ты еще раз съездил в Америку. Правда, Ельцин с Сухановым и Ярошенко уперлись, и ни в какую! Но я делаю все возможное...

Геннадия знаю плохо и отчего-то не слишком верю в его искренность. Похоже, ему не очень хочется, чтобы от газеты, при которой существует его Фонд, в этой поездке участвовал еще кто-то, кроме него. Понять его можно, но меня за-

едает гордыня. Долго не решаюсь звонить Ярошенко, но все же снимаю трубку и набираю номер:

– Ну, как дела? Алференко сказал, вы уже согласовываете с Ельциным состав делегации.

– Знаешь, я ему сразу назвал твое имя...

– И что же?

– Мне кажется, Алференко с Сухановым его настраивают против тебя. Но я еще раз буду с ним говорить.

Поздно вечером мне домой звонит помощник Ельцина Лев Евгеньевич Суханов, поздравляет с наступающими праздниками, интересуется самочувствием, настроением и, как бы мимоходом, сообщает информацию, касающуюся будущей поездки в Америку:

– Я сказал шефу: Павла надо взять!

– И что же он ответил?

– Пока ничего, но после праздников я с ним еще раз поговорю, – Суханов огорченно вздыхает и произносит то, ради чего, возможно, и звонит: – Мне кажется, его против тебя твои дружки настроили.

Мне уже никуда не хочется ехать. Но мучает вопрос: отчего такая неискренность? Сразу после праздников звоню и задаю вопрос Ельцину: Борис Николаевич, мы не могли бы встретиться? Если судить по его голосу, я объявился как нельзя кстати:

– Тут ко мне Ярошенко приходил, с этим... как его?

– С Алференко?

– Да! Так вот, я им сказал: Павла надо брать! В общем, готовьтесь.

С трудом сдерживаю себя, чтобы не рассказать историю про то, как Алференко, Ярошенко и Суханов, все вместе и каждый в отдельности, «отстаивают» мою кандидатуру. Но сдерживаюсь. Она, эта история, хоть и забавная, но в моем пересказе будет выглядеть заурядной кляузой, а кляуз в своем окружении Ельцин не любит, это я уже почувствовал. Так что лучше промолчать.

...Нью-Йорк встречает несвойственным для середины сентября монотонным дождем. Кажется, огромная туча зацепилась за макушку Empire State Building и повисла над городом. Мы собрались в номере у Ельцина, чтобы обсудить предложенную институтом Esalen программу предстоящего визита. Атмосфера довольно нервная. Ельцин крайне недоволен обилием выступлений и интервью. Но еще больше недоволен сегодняшней встречей в аэропорту:

– Почему не было никого из официальных лиц?! Для них что, понимаешь, Ельцин – не та фигура?!

Алференко пытается объяснить, что поскольку визит неофициальный, то, согласно протоколу, участие во встрече представителей Белого дома или Госдепартамента не предусмотрено. Но это вызывает еще большее раздражение:

– А что вы тут мне напланировали?! – Ельцин трясет программой. – Сплошные выступления и интервью! По десять в день!

Алференко воспринимает сказанное с беззаботной улыбкой. Вероятно, ею хочет слегка умиротворить разбушевавшегося политика. Присутствующий при разговоре и непонимающий ни слова по-русски представитель Esalen Джим Гаррисон напряженно вслушивается в интонации и ничего не может уловить, кроме того, что гость чем-то очень недоволен. Но чем?

– Что это такое?! Нашли себе, понимаешь, Аллу Пугачеву! – Ельцин швыряет программу на журнальный столик и поворачивается к скромно сидящему в сторонке Суханову: – В общем, Лев Евгеньевич, половину мероприятий исключить! Вы меня поняли?

– Конечно, Борис Николаевич. Это никуда не годится. Я еще в Москве об этом говорил, и мне было обещано...

– Ис-клю-чить!

Алференко переводит сказанное Гаррисону. Тот краснеет то ли возмущения, то ли от испуга, понять трудно, и произносит текст, который в переводе Алференко звучит, видимо, более примирительно:

– Борис Николаевич, он говорит, что ничего уже отменить нельзя, что будет очень плохой резонанс и в прессе, и в политических кругах. Люди приобрели билеты на мероприятия с вашим участием...

Ельцин не дает завершить фразу и взрывается не терпящим возражений негодованием:

– Чта-а! Вы, понимаешь, зарабатывать на Ельцине взду-

мали?! – он стучит ребром ладони по столу, давая понять, что дискуссия окончена. – Лев Евгеньевич, вы вместе, – шеф кивает на нас с Ярошенко, – посмотрите программу внимательно еще раз и оставьте только самое важное. Вы меня поняли?!

Ельцин встает и, не прощаясь, уходит к себе в спальню. Аудиенция окончена. Поднимаемся и идем к двери. Однако Суханов останавливает нас:

– Борис Николаевич предлагает выпить по рюмке за приезд и за начало визита. Как говорится, за успех предприятия. Нет возражений?

Возражений нет. Суханов уходит к себе в номер и через пару минут возвращается с бутылкой виски, видимо, купленной в шереметьевском фри-шопе, и с палкой советской сырокопченой колбасы, ввоз которой на территорию США категорически запрещен. Ждем Ельцина. Тот возвращается в гостиную уже во вполне благом расположении духа, и мы рассаживаемся на диване и в креслах вокруг большого журнального столика. Вдруг оказывается, что у него в номере только два стакана для виски, пара водочных рюмок и по паре фужеров под вино и шампанское. Шеф произносит тоном знатока и ценителя:

– Виски положено пить из стаканов.

Идея позвонить на ресепшн и попросить принести нам четыре стакана для виски отвергается: нам такая реклама ни к чему! Суханов готов еще раз сходить к себе в номер, но и

у него в мини-баре, вероятно, тоже только два стакана, а нас шестеро. Значит, придется идти еще кому-то. У Виктора с утра болят ноги, и ему тяжело бегать туда-сюда. Алференко после столь жаркого диспута как-то неловко просить о такой услуге. Выходит, моя очередь послужить общему питейному делу. Но номер, где я живу, несколькими этажами выше, да еще и в самом дальнем от лифта конце коридора. Ельцину все это не по душе:

– Что вы, понимаешь, проблему устраиваете на пустом месте?! Два стакана Лев Евгеньевич принесет из соседнего номера, а еще два возьмите у меня в ванной комнате на полке.

Американизированный Алференко робко протестует: но они же не для того, чтобы из них пить!

– Стакан, понимаешь, он и есть стакан!

...В Америке наступило воскресенье, 10 сентября. Раннее утро, 6:30, но мы уже на ногах, потому как в 8:00 Ельцин должен быть на CBS News, в студии телепрограммы «Лицом к стране». Уже собираемся спускаться на завтрак, когда появляется Гаррисон с пачкой утренних американских газет. По его лицу можно понять, что далеко не все напечатанное в них нас порадует. Алференко бегло просматривает заметки, заранее отмеченные красным фломастером: да-а, ребята...

Можно сказать, Гаррисон подал к утреннему столу большую бочку дегтя, в которую добавили маленькую ложечку меда. Мед – несколько крупных американских изданий сообщили о приезде в США г-на Ельцина, главного оппонен-

та советского президента Михаила Горбачева. Деготь – обилие едких заметок (правда, по большей части в газетах бульварного толка) о госте из Москвы, демагоге и популисте, а главное – человеке, склонном к регулярному и непомерному питию. В некоторых из них, в подтверждение сказанного, приводится свидетельство безымянного работника нашего отеля, поведавшего журналистам, как остановившийся у них Ельцин с помощниками пропьянствовали всю минувшую ночь – выпили несколько бутылок виски, разливая благородный напиток в туалетные пластиковые стаканчики, предназначенные для полоскания зубов.

Суханов смотрит на Алференко так, будто это они с Гаррисоном все подстроили:

– Как про стаканы стало известно, если в номер к шефу никто из obsługi не заходил?!

Алференко пожимает плечами: мол, откуда мне знать? Опытный Виктор высказывает догадку: в дорогих отелях обслуга всегда готовит номер ко сну, так что, может, кто и заходил, когда Борис Николаевич уже спал. Это предположение кажется уместным, и Лев Евгеньевич слегка успокаивается:

– Шефу ни о чем не рассказывать!

Алференко с этим согласен, но оговаривает условие: давайте из этой скверной истории сделаем правильные выводы! Возражений нет, впредь будем благоразумнее.

С этой ничего не значащей оплошности, с разливания вис-

ки в пластиковые стаканчики для полоскания зубов, началось наше заокеанское фиаско. Самое простое – все списать на пристрастие Ельцина к алкоголю. Оно, несомненно, сыграло свою роль. Но только ли оно? Было и другое – по какой-то неведомой причине выпивка всегда и всюду оказывалась у него под рукой. У кого бы мы ни гостили, там уже были осведомлены о склонности Большого Бориса к возлияниям, и общение неизменно начиналось с вопроса: мистер Ельцин, не желаете ли чего-нибудь выпить? Если это и гостеприимство, то не без коварства. Случившееся в первый вечер в нью-йоркском отеле повторилось не единожды. Всюду моделировалась ситуация порока – где-то оказывалось море спиртного, а где-то всего одна бутылка, но взять которую было равнозначно краже. Словно кто-то намерено хотел продемонстрировать Америке и миру единственное качество Ельцина – любит выпить и не в силах побороть свою порочную страсть.

Кто-то, прочитав эти строки, презрительно скривит рот: «А куда вы-то, горе-помощники, смотрели? Небось еще и пили вместе!». Пили. Но тому есть свое оправдание: он бы и без нас пил, ибо удержатъ было невозможно, а такое во сто крат хуже. Другой вопрос: стоило ли делать ставку на такого лидера, да еще возить его по белу свету? Задавать его – все равно что страждущему в пустыне советовать не пить воду из непроверенного источника. Другого-то более или менее общепризнанного лидера в ту пору у нас не было,

вот в чем наша русская беда! В пыль вытоптанная политическая поляна! Вот и ухватились за худосочный росток. Хоть какая-то надежда на возрождение.

Как бы сегодня ни судили происходившие в ту пору перемены, а модернизировать страну было необходимо. Конечно, не так и не с такими страшными гайдарово—чубайсовыми потерям, но необходимо! А кто мог возглавить этот тяжкий и политически опасный труд? Только тот, кого поддерживало большинство населения. Сегодня противников Ельцина пруд пруди, а в конце 80—х их было не так уж и много. Что в Москве, что в провинции он собирал на площадях десятки, сотни тысяч своих сторонников, и они внимали каждому его слову. Кто, кроме него, был способен на подобное? Никто. Это удивительный исторический феномен отрицания опостылевшей веры: чего бы Ельцин ни сотворил в те дни, его авторитет, невзирая ни на что, не снизился бы ни на йоту.

Но безоглядная привязанность рано или поздно оборачивается безоглядной неприязнью. И происходит это тогда, когда кумир, которому легковерный народ сам проложил дорогу во власть, становится не зависящей ни от кого и не отвечающей ни за что Властью. Плохо не то, что на Олимп взобрался не тот человек, плохо, что там он не тем стал.

В интервью на CBS Ельцин пространно рассуждает о нерешительности Горбачева и о своей приверженности обновленной модели социализма. Трудно сказать, как на все

это реагируют телезрители, но ведущий, кажется, не понял и не оценил. На его лице читается раздраженное удивление: чем все-таки вам нехорош Горбачев и зачем обновлять социализм, если от него вообще следует отказаться?! Шеф тоже почувствовал этот адресованный ему негатив, а потому выходит из студии крайне недовольным.

– Ну как?

– Нам кажется, неплохо.

– Неплохо?! А то, что он на меня из-за Горбачева ополчился, это тоже неплохо?! – Борис Николаевич смотрит на нас с Ярошенко так, будто это мы подговорили ведущего расхваливать и защищать Михаила Сергеевича. – Нравится ему Горбачев, пускай с ним и встречается!

Оправдываться некогда – из студии CBS очертя голову несемся на интервью с Грегори Гуровым, известным американским культурологом и советологом, представляющим Информационное агентство США, пристанище дипломатов и разведчиков. Оно, это интервью, тоже будет недолгим, потому как ровно через час Ельцина уже ждут, как нам было сказано, выдающиеся американские экономисты. Один из них мне знаком по научной литературе – Лестер Туроу, светило Оксфорда, Гарварда и Массачусетса, задолго до горбачевской перестройки прогнозировавший распад коммунистической системы и радикальные социально-экономические перемены в странах социалистического блока. В общем, не так уж Ельцин был и неправ, когда назвал подготовлен-

ную для него программу потогонной. Но все наши предложения как-то ее подсократить, сделать менее насыщенной Алференко реагировал с усмешкой:

– Он хочет заработать на миллион одноразовых шприцов? Тогда пусть не ропщет, а работает! Здесь, ребята капитализм, никто просто так деньги не дает.

Думаю, может и неплохо, что на интервью с экономистами выделен всего час. На все их вопросы Борис Николаевич отвечает уже не раз озвученными декларациями общеполитического порядка – о нерешительности Горбачева, об его зависимости от партийной номенклатуры и о необходимости «сузить и ускорить» экономические реформы. Правда, родилась и новинка:

– Меня столько лет били по голове «Кратким курсом истории ВКП(б), что теперь не так просто отказаться от старого мышления!

Экономисты – люди конкретные, а потому не понимают, для чего он им обо всем этом рассказывает, и это лишь усиливает их представление о собеседнике как о популисте и верхогляде. Если бы с нами был свой переводчик, он догадался бы хоть как-то сгладить этот щекотливый момент, но Харрис Култер переводит сказанное дословно, и тем приводит аудиторию в состояние безразличия. Присутствующие явно теряют интерес к гостю, и это замечают все, кроме него самого. Ситуацию спасает известный американский бизнесмен Боб Шварц. Он, похоже, деловой партнер Гаррисона и

Алференко, но они рекомендуют его как мецената, симпатизирующего России.

— Дамы и господа! Нашего гостя ждет вертолет, на котором он облетит Нью-Йорк и с высоты сможет убедиться в величии и силе американского образа жизни!

Экономисты реагируют на сказанное дружным смехом. То ли от того, что шутка показалась донельзя смешной, то ли от того, что бессодержательная встреча, оторвавшая у бизнес-светил час драгоценного времени, подошла к концу.

Из всех местных журналистов Алференко пускает в вертолет только Энн Купер из The New York Times, да и то, похоже, лишь потому, что знаком с ее русским мужем Володи́м Лебедевым. Она фотографирует Ельцина в разных ракурсах и пытается прокричать ему в ухо какие-то вопросы, но тот сидит, прижавшись лбом к иллюминатору, и не обращает на нее никакого внимания. Это ухо у него почти не слышит, но мне кажется, сейчас он не отвечает ей по другой причине — им разыгрывается сценка под названием: «Борис Ельцин не может оторвать восхищенный взгляд от Нью-Йорка». Только после того, как вертолет, сделав пару кругов вокруг стоящего посреди залива монумента, Борис Николаевич поворачивается к Энн и произносит со значением:

— Я два раза облетел вокруг Статуи Свободы и стал в два раза свободнее!

Журналистка смеется, ей нравится этот каламбур. Он звучит вполне по-американски, а потому произведет неплохое

впечатление на читателей. Ельцин чувствует, что попал в точку, и повторяет сказанное так, чтоб на этот раз услышал еще и переводчик.

...Итак, к ритуальным заклинаниям о нерешительности Горбачева, о необходимости сузить и интенсифицировать экономические реформы, об обновленном социализме, которые произносятся в любой аудитории, сегодняшний день добавил еще два – о догмах, вбитых в голову Бориса Николаевича учебником истории ВКП(б), и о том, как он, дважды облетев вокруг Статуи Свободы, стал в два раза свободнее. После приземления все это было озвучено уже трижды. Сначала на пресс-конференции, которую Боб Шварц устроил отчего-то не в офисе, а в своей городской квартире. После, там же, в квартире Шварца, в разговоре с сенатором Клейберном Пэллом. И, наконец, опять все там же, перед десятью гостями, которых супруги Шварцы специально позвали на ужин в обществе мистера Ельцина.

Кроме переводчика, нам, сопровождающим Ельцина лицам, за общим столом места не находится. И это понятно – все же не ресторан, а городская квартира, хотя и очень просторная (из окон роскошный вид на Центральный парк, что говорит об ее многомиллионной стоимости). Нам накрывают в соседней комнате, похожей на кабинет хозяина. Но поскольку между ней и гостиной нет дверей, то мы в курсе всего происходящего. Суханову такая рассадка не по душе: как бы они там шефа не напоили!

– Да что вы, Лев Евгеньевич, волнуетесь? Все будет нормально!

– Знаю я это «нормально»! – Суханов кривится и горестно качает головой. – Ему не напомнишь, так он и не закусит! А потом решаем проблемы.

Лев Евгеньевич как в воду глядит – голос Ельцина (а слышно главным образом только его) становится все игривее и игривее:

– Русский мужик, он такой, покуда хорошенько не выпьет, к еде не притронется!

За столом как-то странно смеются. Словно студенты-первогодки театрального училища – педагог велел изобразить общую веселость, аудитория изображает. Не понимаю, откуда у американцев такая наигранная манера смеха? Веселятся не от того, что и впрямь весело, а потому, что таким образом надо выказать гостю расположение.

Ужин заканчивается звоном бьющегося стекла, визгливым вскриком хозяйки и застольным назиданием Ельцина: где пьется, там и льется! Суханов, да и не только он, весь в напряжении. По лицам покидающих дом гостей трудно понять, довольны они или раздосадованы. Но провожающий их до лифта Боб Шварц явно не считает вечер неудавшимся. И это понятно – столько влиятельных особ у него в доме! Один Пэлл чего стоит. Ни много ни мало – председатель сенатского Комитета по внешним сношениям! Последним из гостиной выходит Ельцин в сопровождении переводчика Харриса

Култера и хозяйки дома. Она держит шефа под руку и расхваливает на все лады. Харрис добросовестно переводит, но кислое выражение его лица никак не свидетельствует о благостных чувствах.

– Ну, как все прошло?

Суханов смотрит на переводчика с надеждой услышать хоть что-нибудь позитивное, но тот в ответ лишь тяжело вздыхает:

– Ребята, вы позволите мне дать вам дружеский совет? – Суханов с Ярошенко кивают в ответ. – Никогда не оставляйте его за столом одного. И еще (если, конечно, такое возможно): скажите ему, чтоб не допивал виски до конца. Пусть хоть немного оставляет в стакане.

– Это еще зачем?

– Затем, что стакан у гостя не должен быть пустым. Пуст, значит, еще не финиш, значит, надо налить, – Харрис молчит пару секунд и добавляет, как мне кажется, полупрезрительно: – А после посуда на столе бьется, и у хозяйки костюм залит вином.

Ночь. За окном гудит неугомонный Нью-Йорк. Ельцин, вернувшись в отель, сразу пошел к себе в номер и лег спать, а мы с Ярошенко сидим у Суханова и обсуждаем прожитой день. Не знаю почему, но Лев Евгеньевич разговаривает с нами так, будто это мы все организовываем и за все отвечаем:

– Ребята, я не понимаю, почему день должен заканчиваться ужином с выпивкой?!

– Лев Евгеньевич, вы же видели, американцы все были трезвые, никто не напился.

– Они его специально подпоили, это же очевидно!

– Господи, зачем им это надо?

– Да они тут все за Горбачева! И ваш Алференко с ними заодно! Еще тот провокатор!

В итоге бурных дебатов договариваемся, что завтра же, втайне от шефа, потребуем от «провокатора» и его дружка Гаррисона, чтоб впредь на обедах и ужинах спиртное не подавалось. Ну, не то чтоб совсем, такое едва ли возможно, в количестве, как говорится, «для настроения».

– Лев Евгеньевич, а не погулять ли нам по ночному Нью-Йорку?

– Нет, ребята, – Суханов смотрит на нас с искренним сожалением, – вы идите, а я должен остаться. Вдруг шефу что-то понадобится.

Ночью ему понадобилась пара стограммовых бутылочек виски из сухановского мини-бара. В его собственном ничего не осталось.

...Программа сегодняшнего дня еще более напряженная, нежели вчерашняя, и от этого у Ельцина с утра скверное настроение. Первое интервью в 7:15, в популярнейшей новостной программе ABC «Доброе утро, Америка!». Суханов уже подготовил шефа к выходу в люди, когда у того в номере появляется радостно улыбающийся и обильно политый заморским парфюмом Геннадий Алференко:

– Борис Николаевич, вы какой иностранный язык в школе учили?

– Немецкий.

– Помните, как будет «С добрым утром!»?

– Хутен морхен. А вам зачем?

– Там, в холле, собралось много журналистов. Будет очень неплохо, если вы выйдете к ним и поздороваетесь по-английски. Это вызовет хорошую прессу.

– Я же сказал, немецкий учил.

– Так это почти то же самое, только немного мягче: good morning!

Из лифта шеф выходит с вполне доброжелательным выражением лица, буркает свое незабытое со школьной поры «Хутен морхен» и останавливается на ступеньках, освещенный яркими вспышкам фотокамер. Толпа репортеров, действительно, немалая, человек двадцать. Ответы на вопросы не предусмотрены, но весьма затрапезного вида парень, не иначе как представляющий какое-нибудь бульварное издание, размахивает над головой свернутой в трубочку газетой и что-то выкрикивает. Харрис хмурится и не переводит:

– Пойдемте, Борис Николаевич, нас ждут на телевидении, нельзя опаздывать.

Тот хмурится:

– Что он сейчас сказал?

– Не обращайтесь внимания.

– Я спрашиваю, что он сказал?

Харрис, хоть и работает с Ельциным всего второй день, но, судя по всему, уже почувствовал его натуру и понял, что если тот чего-то требует, от этого уже никак не отвертеться.

– Он поинтересовался: этой ночью вы снова пили виски из пластикового стаканчика?

Ельцин резко поворачивается и быстрым шагом идет через холл к выходу. Мы едва успеваем следом. За спиной автоматными очередями щелкают фотокамеры. Наверное, со стороны наш демарш выглядит как бегство. Но это еще полбеды. Гораздо хуже, что настроение у шефа окончательно испорчено. Боюсь, что на весь день.

Потогонная система Алференко – Гаррисона в действии: с 7 утра и до полудня Ельцин поучаствовал в двух телепрограммах, побеседовал с каким-то странного вида субъектом, прогулялся пешком по Уолл-стриту и посетил Нью-Йоркскую фондовую биржу. По бирже он уже ходил до крайности недовольный всем и вся. Но Гаррисон сказал, что с ним хочет встретиться президент биржи, и это его немного успокоило. Правда, Джим так и не назвал имени президента. Суханов недовольно бурчит мне в ухо:

– Ты заметил, у него в каждом мероприятии какой-то свой интерес!

Шеф постоял на балконе для почетных гостей. Увидел, как открывают дневную сессию. Прошелся по засыпанному бумажками залу с истерично кричащими брокерами. И, наконец, поздоровался с солидного вида господином, по-

приветствовавшим его от имени руководства Нью-Йоркской биржи. И все. Сразу после этого Алференко сообщил, что через 45 минут нас ждут в Совете по внешним сношениям. Ельцин в очередной раз вспылил:

– Лев Евгеньевич, я же просил!

– Борис Николаевич...

– Довольно, понимаешь! Какой-то еще Совет! Что им от меня надо?!

В разговор вступает Гаррисон, слова которого Харрис (так он поступает уже не впервой) переводит в весьма деликатной интерпретации:

– Программой предусмотрен обед, на который соберутся люди, связанные с внешней политикой США. Они заплатили за то, чтобы послушать вашу лекцию...

– Лекцию?! Значит, я, понимаешь, буду говорить, а они в это время жевать?! Отменяйте!

– Среди гостей будет присутствовать Сайрус Вэнс, бывший госсекретарь США. А приглашает вас на эту встречу Дэвид Рокфеллер. Он выступит с приветственным словом, следом выступите вы, а после вместе отобедаете.

– Рокфеллер? – легендарное в политэкономических кругах имя заинтересовывает. – Что, тот самый?

– Младший. Рокфеллер-младший.

Борис Николаевич удовлетворенно кивает. Однако Суханова информация об обеде настораживает. Он, видимо, хочет узнать насчет алкоголя, но не решается делать это при

шефе. Поэтому отзывает Алференко в сторону и, понизив голос, интересуется: алкоголь предусмотрен?

– Может, вам относительно всего меню доложить? – по лицу Геннадия видно, что тому не по душе, что кто-то, кроме Ельцина, задает вопросы, касающиеся подготовленной им с Гаррисоном программы визита. – Вам обязательно предложат салаты и два-три горячих блюда на выбор. Из алкоголя, думаю, будет шампанское, вино, коньяк и виски. А после – десерт, чай и кофе. Какой именно будет десерт, этого не скажу, не знаю.

Лев Евгеньевич не обращает внимание на язвительный тон и задает новый вопрос: какова будет наша рассадка?

– Рассадка будет сообразно статусу: Борис Николаевич за одним столом с Рокфеллером, все остальные – за двумя или тремя отдельными столиками.

– Я должен сидеть вместе с Борисом Николаевичем.

– Это невозможно.

– Геннадий, это не обсуждается!

– С ним будет наш переводчик, и все! Все другие места за столом Рокфеллера уже забронированы. Куда вы там сядете?!

– Пусть поставят дополнительный стул.

Члены Совета по внешним сношениям встречают Ельцина вполне дружелюбно, хотя и без бурных восторгов. Похоже, Горбачев им все же понятнее, а потому предпочтительней. Дэвид Рокфеллер произносит разочаровывающе корот-

кое приветствие и предоставляет слово гостю из СССР.

– Демократические силы, к которым я принадлежу, выступают за широкое сотрудничество с Соединенными Штатами на основе доверительности, взаимной выгоды и взаимного уважения! Мы закончили холодную войну! Мы стремимся к преобразованию социализма в русле демократии и рыночной экономики! Горбачев должен ускорить реформы, проводить их решительнее и без оглядки на старую партийную номенклатуру! Иначе...

Ельцин замирает на пару секунд. Мне уже знаком этот его прием, с помощью которого он приводит аудиторию в состояние напряженного ожидания – многозначительно вскинутые брови, полупрезрительная усмешка, колющий взгляд факира, уверенного, что сейчас зал ахнет...

– Я надеюсь, демократически избранный президент Америки найдет время для встречи со мной. Нам есть что сказать друг другу! Это в интересах наших стран и народов.

Но, похоже, на сей раз факир ошибся в зрителе – зал безмолвствует. Это единственный ельцинский тезис, который он не встречает вообще никакими аплодисментами. Ни редкими, ни бурными.

Речь окончена. Рокфеллер пожимает оратору руку и жестом приглашает к трапезе. Разумеется, Суханову не находится места за тем же столом. Но никто из нас по этому поводу не печалится. Все равно это ничего бы не изменило. Ну, заметит Лев Евгеньевич, что шеф слишком часто берет

в руки рюмку и игнорирует вилку с ножом, – и что с того?! Он что, сделает ему по этому поводу замечание? Вот так, наклонится и шепнет на ухо: «Борис Николаевич, надо бы поменьше пить да побольше закусывать». Не было еще такого, и никогда не будет! Это вообще нечто из области невероятного. Кроме того, как мы уже успели заметить, когда Ельцин общается с теми, кого считает равными себе по влиянию на Мир и на Историю, его ничем, тем более какими-то подсказками да советами, лучше не отвлекать, иначе пожнешь бурю. Он не посмотрит, что вокруг посторонние люди. Так что Суханову ничего не остается, как самому закусывать и бросать обеспокоенные взгляды в сторону соседнего столика.

К счастью, на сей раз Борис Николаевич увлечен Рокфеллером. Хоть и не закусывает, но и почти не выпивает. А банкир-миллиардер и бывший госсекретарь, похоже, тоже останутся голодными – они не позволяют себе ни есть, ни пить, покуда собеседник им что-то говорит. А тот, можно сказать, исполняет сольную партию, продолжительностью во всю пьесу. По сути, на этом обеде Ельцин произнес две речи: короткую – для всех присутствующих, и долгую, обстоятельную – для соседей по столу.

...Застолье с членами Совета по внешним сношениям занимает чуть менее двух часов. Ельцин доволен, но чувствуется, ждет большего:

– Рокфеллер, Вэнс, это хорошо! – он говорит медленно, с расстановкой, и при этом поглядывает то на Алференко, то

на Гаррисона. – Но почему до сих пор нет никакой информации о моей встрече с Бушем?

– Работаем, Борис Николаевич!

– Медленно работаете, – Ельцин недовольно морщится. – Надо, понимаешь, поднимать уровень визита!

Согласно «потогонному» плану Алференко – Гаррисона, после обеда с членами Совета по внешним сношениям нам следует поторопиться на интервью для телепрограммы «Час новостей», а сразу после него – на встречу с президентом Колумбийского университета и директором Института Гарримана. Но главное мероприятие уже под занавес дня – деловой ужин в каком-то «Речном клубе». Суханов беспокоится, как бы шеф не взбрыкнул и не отказался туда ехать. Во-первых, он с шести утра на ногах, и всему есть предел. Во-вторых, он до сих пор не получил информацию о встрече с американским президентом, а для него это главный вопрос всей поездки.

Но, я думаю, беспокоится Лев Евгеньевич напрасно. Шеф непременно поедет в этот клуб. Мы все слышали, как, прощаясь, Рокфеллер, дружески похлопав его по плечу, сказал: «Встретимся за ужином!», а Ельцин в ответ согласно кивнул. И выглядел при этом весьма довольным.

...Нам было сказано, что «Речной клуб» – одно из самых элитарных заведений Америки. Но меня, признаться, оно не поразило. Все тут, начиная с покрытых довольно затертым ковролином полов до столовского вида белых скатертей, бо-

лее чем скромно. Даже не верится, что в зале присутствуют люди, контролирующие миллиардные состояния. Организатор всего действа – уже знакомый нам Дэвид Рокфеллер. Правда, здесь он выступает уже не как глава Совета по внешней политике, а как член семейного клана Рокфеллеров. Гости под стать ему и по положению, и по богатству – руководители крупнейших благотворительных фондов. Как многозначительно сказал нам наш переводчик, эти люди во многом определяют исход президентских выборов в США, да и не только в США.

Кто здесь только не представлен! И Фонд братьев Рокфеллеров, и Фонд Форда, и Фонд Карнеги, и Фонд МакАртуров, и еще с десятков мало знакомых мне, но, похоже, весьма влиятельных лоббистских организаций. Чувствуется, что на встречу с Ельциным все эти люди пришли с желанием из первых рук получить информацию о происходящем в СССР. Но самый активный из них – Джордж Сорос, возглавляющий фонд собственного имени. Кажется, если б Рокфеллер дал ему волю, он вообще оттащил бы шефа в сторонку и не отпускал от себя до самого окончания мероприятия. По этому поводу Суханов высказался хоть и недипломатично, зато весьма точно: человек-пиявка!

Все рассаживаются согласно табличкам с именами на огромных круглых столах. На этот раз Суханов сидит по правую руку от Ельцина (по левую – наш переводчик). Это радует его по двум причинам – так надежней и так почетней.

Рокфеллер, опять же очень коротко, приветствует Ельцина и предоставляет ему слово. Речь один в один повторяет ту, что была произнесена несколькими часами ранее. И слушают его так же сдержанно. Дружный смех и бурные аплодисменты вызывает лишь каламбур про «Краткий курс истории ВК-П(б)», которым много лет кряду Борису Николаевичу вколачивали в голову всякую политическую дребедень. А вот и финал, эдакий заключительный аккорд выступления:

– Надеюсь, демократически избранный президент Америки найдет в своем графике время для встречи со мной, – Ельцин делает паузу и обводит зал многозначительным взглядом, – с представителем демократических сил Советского Союза. Нам есть что сказать друг другу!

Сбываются худшие опасения Суханова – шеф выпивает, но ничем не закусывает. А как закусывать, если он почти не сидит на своем стуле, а все больше стоит возле него? К нему то и дело подходят улыбающиеся буржуины, трясут руку, дружески похлопывая по спине, произносят какие-то комплементы и пожелания, а после, чокнувшись и пригубив из своего бокала, отходят, уступая место другому желающему поприветствовать первого советского коммуниста-оппозиционера. Зато наш Борис Николаевич, по стародавней уральской привычке, чокнувшись, выпивает до дна. Черт бы их всех подрал! И в первую очередь – этого хитромудрого Сороса, который буквально не отходит от Ельцина ни на шаг. Прилип, что банный лист к заднице.

Алференко обеспокоен не меньше Суханова – уже половина десятого, через полчаса мы должны вылететь в Балтимор, а Ельцин, похоже, только вошел во вкус неформального общения с капитанами американского бизнеса.

– Надо ему сказать, что пора прощаться.

Суханов смотрит на Алференко с жалостью. Как пациент на зубного врача, поставившего ему неутешительный диагноз – зуб не спасти, надо удалять.

– Может, Рокфеллер ему об этом скажет? Рокфеллера он послушается.

К счастью, банкира-миллиардера не приходится просить о столь деликатном одолжении. Поскольку самолет, которым мы должны лететь в Балтимор, принадлежит ему, то он, по всей видимости, на связи с пилотом и в курсе того, что нам уже пора выдвигаться на аэродром.

– Мистер Ельцин! Я благодарен, что вы нашли время встретиться с нами. Это был прекрасный вечер! Но, к сожалению, мы вынуждены отпустить вас в Балтиморе. Мой самолет к вашим услугам, пилот ждет.

У богатства есть немало жизненных преимуществ, и сейчас мы ощутили одно из них – Рокфеллер избавил нас от необходимости принаравливаться к правилам и расписанию перелета. Нам не надо торопиться на аэродром – когда приедем, тогда и взлетим. Не надо регистрироваться, сдавать багаж и проходить спецконтроль – нас доставили прямо к трапу, возле которого поджидает улыбающийся пилот:

– Господа, рад вас приветствовать! Самолет готов к взлету. Ваш багаж на борту, – и, пожав нам руки, заканчивает сугубо по-американски, невзирая на чины и звания пассажиров: – Как только наберем высоту, я предложу вам, парни, выпивку и закуски. Приятного полета!

Верный оруженосец Суханов недовольно ворчит: «Какая еще выпивка, какие закуски? Он разве не знает, что мы с ужина?». Ярошенко успокаивает: это традиционная американская шутка...

Лучшие бы пилот и впрямь пошутил. Может, не было бы тогда того, что случилось часом позже. А случилось такое, что хочется забыть, но, увы, не забывается.

Бывают ситуации, когда презрение толпы менее трагично, нежели отвращение в глазах единственного свидетеля твоего позора. Прошло много лет, большие четверти века, но я до их пор с содроганием вспоминаю ту ночь и не могу забыть глаза уже немолодой, но привлекательной женщины с большим букетом цветов в руках, что встречала нас на слабо освещенном поле аэродрома американского города Балтимор...

Стюард, он же второй пилот, ставит на стол два больших подноса: на одном – ветчинно-колбасное ассорти, на другом – овощи, коих у себя дома мы отродясь не едали, а к ним всевозможные соусы. От сырых шампиньонов Ельцин приходит в восторг: «Никогда не думал, что грибы можно есть сыры-

ми!»). Маленькие початки кукурузы размером с палец напоминают ему хрущевские времена, когда на Урале тоже пытались выращивать полюбившуюся Никите Сергеевичу культуру, и она была такая же недоразвитая: оказывается, их люди даже сырыми могли есть, а мы зачем-то скотине скармливали!

– Что господа желают выпить?

Ельцин смотрит на стюарда, как учитель на двоечника, не ко времени и не по делу задавшего вопрос про каникулы:

– Мы что у Рокфеллера пили? Виски. Вот и продолжим висками. Градус нельзя понижать!

Стюард кивает в ответ и приносит внушительных габаритов штоф «Джека Дэниэлса». Суханов тяжело вздыхает, и этот вздох больше похож на стон. Однако ловит на себе недовольный взгляд шефа и капитулирует перед порочной притягательностью Черного Джека.

– Что я хочу сказать, – Ельцин берет стакан, наполненный ячменным снадобьем, давая понять, что наступило время подвести итоги прошедшего дня. – В общем, пока у нас все идет неплохо. Но! – и бросает на Алференко пристальный взгляд, – надо поднимать уровень визита!

Социальный изобретатель выдавливая из себя нечто отдаленно напоминающее алаверды: «Работаем, Борис Николаевич». Суханов, опасаясь неконтролируемой вспышки хозяйского гнева из-за столь расплывчатого ответа, предпринимает отвлекающий манер – предлагает выпить по второму

заходу:

– За то, чтобы наш визит был успешным и чтоб все цели были достигнуты!

Шеф грозит ему пальцем: «Ельцин и сам всегда добивается поставленных целей, и от других этого требует! Так было, и так будет!».

От Нью-Йорка до Балтимора лету не более часа, поэтому бутылка опорожняется наспех, без долгих пауз на тосты и разговоры. Последние граммы выпиваются уже при заходе на посадку. Самолет бросает из стороны в сторону и он так отчаянно машет крыльями, что руки, помимо твоей воли, судорожно сжимают подлокотники кресла. И в этот самый неподходящий для любых перемещений по салону момент у нашего VIP-пассажира возникает непреодолимое желание посетить туалет.

– Борис Николаевич, сядьте, пожалуйста, нельзя вставать.

– Мне надо!

– Мы сейчас приземлимся.

– Что вы мне, понимаешь, указываете?!

Но в этом самолете нет туалета. Он для очень коротких перелетов.

Шасси ударяются о посадочную полосу, включается реверс и самолет, надрывно взревев, тормозит. В иллюминатор видно, что маленький аэропорт погружен во тьму, и только возле небольшого здания горит несколько фонарей. Туда мы и подкатываем. Пилот выходит из своей кабины и выпускает

трап. В нашу сторону направляется довольно большая, человек десять, группа встречающих. Они подходят к самолету и выстраиваются полукругом в нескольких метрах от него. На полшага впереди всех улыбающаяся женщина с большим букетом в руках.

Первыми на поле спускаемся мы с Сухановым и Ярошенко, следом выходит Ельцин, за ним – переводчик и все остальные. То, что происходит далее, за гранью разумного...

Сойдя с трапа и оглядевшись, Ельцин отчего-то вдруг резко разворачивается и шагает в сторону, противоположную от стоящих на поле американцев, куда-то за самолет. Встречающие недоуменно переглядываются: что случилось? Кажется, я догадываюсь – что, и от этой догадки по спине бегут леденящие кожу мурашки: только не это! Вероятно, ему кажется, что в тени его не видно, и стоящие на поле не разглядят, как он, пристроившись за шасси, справляет малую нужду. Но на нашу беду, не только видно, но даже слышно. К тому же его выдает ручеек, побежавший из-под самолета в сторону встречающих.

Мы в ужасе. Суханова, похоже, разбил паралич – стоит у трапа с широко открытым ртом и не в силах пошевелиться. Ярошенко шепотом причитает: конец, это конец! Алференко отвернулся, чтоб не видели американцы, и в сердцах плюнул на землю. На лицах степенных янки выражение брезгливого ужаса. Немолодая, но весьма миловидная дама с букетом в руках выглядит так, словно ей на голову посадили отврати-

тельно пахнущего лесного клопа.

А далее происходит еще более невероятное – Ельцин, на ходу застегивая ширинку, выходит из-за самолета и, протянув для приветствия руку, как ни в чем ни бывало направляется к встречающим. Уже ночь, но он почему-то произносит свое неизменное: «Хутен морхен!», чем окончательно добивает даму с цветами. Та издает какой-то хрип, который надо понимать, как приветственное «Welcome!», и, уклонившись от рукопожатия, сует гостю ставший бессмысленным атрибутом букет цветов.

...Президент Университета имени Хопкинса с супругой и еще несколько профессоров (шокированный происшедшим мэр Балтимора ретировался еще в аэропорту) торопливо прощаются с нами на крыльце резиденции, предназначенной для размещения важных университетских гостей. Алфренко с Гаррисоном и переводчиками отправляются спать в комнаты на втором этаже. Мы с Ярошенко селимся на первом. Ельцин с Сухановым занимают большие апартаменты во флигеле.

Очень хочется спать...

В час ночи просыпаемся от полусшепота Суханова: ребята, проснитесь! На Льва Евгеньевича невозможно смотреть без жалости: Ельцин требует от него принести чего-нибудь выпить. Идем на помощь – надо постараться убедить шефа этого не делать. Но никакие уговоры – что поздно, что день был тяжелым, что выпито за сегодня и без того уж немало –

не действуют. Сидит в костюме на кровати и, обхватив голову руками, покачивается взад-вперед:

– Чта-а! Вы мне, понимаешь, будете указывать?! Я говорю, у меня сейчас голова расколется! Надо снять напряжение!

Он буквально вынуждает Суханова оправиться на поиски спиртного. К несчастью, под лестницей, ведущей на второй этаж, обнаруживается большая кладовка с обилием всевозможных бутылок. Лев Евгеньевич берет с полки красное сухое вино, но шеф требует уже знакомый и полюбившийся ему «Джек Дэниэлс». Садимся за стол – пусть напьемся, но хотя бы ему меньше достанется! – с надеждой, что застолье будет недолгим.

...Где-то около трех часов ночи Ельцин будит Суханова. Зовет таким слабым, умирающим голосом, что у того сердце обрывается от испуга: «Что случилось?! Что с вами?!».

– Плохо мне, – шеф лежит бледный, как полотно, и едва шевелит губами. – Принесите что-нибудь... выпить... виски... мне совсем плохо...

Насмерть перепуганный Суханов снова будит нас с Ярошенко: ребята, что делать? У Виктора припасен пузырек валерьянки.

– А если не согласится?

– Скажите, что спиртного в доме больше нет.

– А валерьянка, думаешь, поможет?

– Да не волнуйтесь вы так! Ему просто надо проспаться,

и все будет в порядке.

Тот в ответ подносит палец к губам:

– Тише! Главное, чтоб эти, там наверху, ни о чем не узнали!

Без четверти четыре в чулане под лестницей раздается страшный грохот и звон. Все, кто ни есть в доме, выскакивают из своих спален. Мысль одна: с Ельциным случилась какая-то беда! Вот сейчас откроем дверь, а он лежит на полу, бездыханный и весь в крови. Не приведи Господь!

Дверь чулана открывается, и мы вздыхаем с облегчением – обошлось, жив! На пороге стоит Борис Николаевич с недопитой нами бутылкой Черного Джека в руке. Целехонек, но чем-то весьма недоволен:

– Вот, – взглядом указывает на бутылку, – доставал, понимаешь, с полки, а там какая-то коробка с пустыми бутылками. Зачем ее туда поставили?!

Гаррисон, стоя на лестнице, сверху смотрит на него с нескрываемым ужасом. Суханов как-то странно улыбается. Наверное, это у него на нервной почве.

Как ни стараюсь, а дальнейшее не вспоминается. Города, в которых побывали, слились в один огромный безликий город. Пытаюсь припомнить, что мы делали в Чикаго, или в Миннеаполисе, или в Далласе, и не могу. Какие-то выступления, какие-то пресс-конференции, какие-то обеды и ужины. Но какие, где, что за люди присутствовали, как они встре-

тили Ельцина и как его проводили – не вспоминается! Обо всем этом память не сохранила ровным счетом ничего.

Но так не может быть! Что-то ведь должно было запомниться? Пожалуй. Правда, это не событие, а, скорее, ощущение – ощущение тоски и разочарования. Безысходной тоски и опустошающего душу разочарования. И только два, в общем-то, малозначительных эпизода, один – в Хьюстоне, другой – в Майами, запали в память более или менее отчетливо.

Глава 2

Свобода у мясного прилавка

Хьюстон, штат Техас. Нестерпимая духота. Даже не верится, что сейчас середина сентября. Пожалуй, намного круче нашего знойного июля в каком-нибудь Саратове. Зато в супермаркете Randall's, куда нас привезли на экскурсию, причем по нашей настоятельной просьбе, живительная прохлада. Просто курорт. Но сходу поражает не мощная система кондиционирования, а отсутствие привычных для нас затхлых запахов советского гастронома. Но это впечатление «первых шагов». Дальше – больше. Господи, таких прилавков у себя дома мы отродясь не видели! Для нас, жителей погрязшей в продуктовых дефицитах Москвы, это нечто из области нереального. Голова кругом идет от разнообразия всевозможных продуктов. И почему-то мучает единственный вопрос: неужели у них каждый день такое изобилие? Невероятно!

Ходим с Ельциным меж рядами с товарами. Он потрясен: чего тут только нет, и все можно купить без всякой очереди. Выбрал, встал в кассу (если перед тобой три человека, это уже много), заплатил – и шагай домой! Такого капиталистического достатка бывший партайгеноссе Москвы явно не ожидал увидеть.

– Борис Николаевич, а давайте посчитаем, сколько тут разновидностей колбасы?

Шеф реагирует на предложенное мною резко и впервые употребив «ты», абсолютно несвойственное его манере общения:

– Ты мне сейчас ничего не говори! Не надо ничего говорить! – и с минуту, а то и больше, в какой-то ожесточенной задумчивости стоит у мясного прилавка. – А этот, наш, понимаешь, какую-то там Продовольственную программу придумал. Вот она, продовольственная программа, на прилавке!

Что это было – искреннее потрясение или игра на публику? Гадать не берусь, а наверняка не знаю. Иногда кажется, что он на самом деле был поражен доселе невиданным изобилием. А иногда – что эта была экспромтом сыгранная сценка, рассчитанная на снующих вокруг нас нескольких журналистов с фото- и телекамерами. Последняя версия кажется более вероятной, потому как нечто подобное случилось в самом начале нашей поездки, еще в Нью-Йорке, во время посещения музея искусств «Метрополитен».

...Дождавшись, когда Борис Николаевич выйдет из вертолета, на котором он дважды облетел Статую Свободы и стал «вдвое свободнее», Алференко объявляет следующий пункт сегодняшней нью-йоркской программы – пешая прогулка по Центральному парку с последующим посещением всемирно

известного художественного музея. Весть об этом воспринимается без малейшего удовольствия. Если бы рядом с нами не было сейчас Энн Купер, известной журналистки The New York Times, а чуть поодаль не маячила группка ушлых газетных репортеров, Ельцин наверняка бы устроил Геннадию очередной скандал и отказался участвовать в этих мероприятиях. И, в общем-то, был бы прав, потому как за два часа (а ровно через два часа должна состояться пресс-конференция в доме у Боба Шварца) физически невозможно сделать и то, и другое – и по парку погулять, и музейную экспозицию осмотреть.

– И чего мы не видели в этом парке?! – Ельцин выплескивает раздражение на шагающего рядом Суханова. – Чем он интереснее наших Сокольников? Тем, что, понимаешь, в Нью-Йорке, а не в Москве?!

Суханов берет шефа под руку и шепчет на ухо:

– Вы посмотрите, сколько за нами идет журналистов! Завтра об этом будет написано во всех газетах!

Ельцин бросает на репортеров беглый взгляд и, видимо, решает, что сейчас самый подходящий момент развеять слухи об его немогах и порогах. Пусть убедятся: Ельцин – энергичный, спортивный, неутомимый! Еще многим молодым фору даст! С этого момента он «гуляет» по Центральному парку, как царь Петр на картине Серова – размашистым шагом и полубегом. И мы семеним следом так же, как та самая царская свита. Что касается репортеров, то они едва поспе-

вают за нашей группой, странной манерой гуляния дивящей отдыхающих ньюйоркцев.

На ступенях музея все повторяется: «Зачем мы сюда пришли?! Мы в Америку приехали картинки рассматривать?! У нас, конечно, своего Эрмитажа нет!». В ответ Суханов произносит умоляюще: «Борис Николаевич!», и взглядом вновь указывает на репортеров, чуть поодаль с трудом переводящих дыхание.

В музее российский лидер демонстрирует пищу-е-снимающей публике уже другие свои достоинства: Ельцин – тонкий, вдумчивый ценитель прекрасного, хорошо ориентирующийся в изобразительном искусстве и мгновенно распознающий различные художественные школы. Мы бежим по залам музея почти с той же скоростью, что и по парку. Но в некоторых из них шеф задерживается возле какой-нибудь картины. Стоит, сложив на груди руки, и несколько секунд задумчиво любит-ся. Насладившись, он, ни слова не говоря, срывается с места и стремительно преодолевает пару-тройку следующих залов, после которых все повторяется. Очевидно, это должно отразить некий принцип его жизнедеятельности: Ельцин не тратит время на все без разбору, а лишь на то, что по-настоящему ценно и достойно его внимания.

Один из особо отмеченных Ельциным авторов – Ян Вермеер. У портретов его работы он задерживается дольше, чем у всех прочих. Наверное, с полминуты. Гаррисон заинтригован: вам это нравится? Шеф, не глядя на него, произносит

многозначительное «Нда-а...»:

– Знаю эту картину. Прекрасный художник, – и, сорвавшись с места, уже стоя на пороге следующего зала, поясняет: – Один из моих любимых.

Всю дорогу от музея до дома Боба Шварца меня мучает мысль: чем ему так полюбился Вермеер? Не выдерживаю и спрашиваю об этом. Ельцин смотрит на меня так, будто я поинтересовался его отношением к известной исключительно среди ученых-лингвистов Вере Цинциус, специалисту в области этимологии урало-алтайских языков:

– Какого еще Веремеева?!

То было в Нью-Йорке, а это Хьюстон, и уже другая сценка – у мясного прилавка. Но очень похоже...

Выходим из супермаркета и, можно сказать, попадаем в баню, душную и влажную. В другое время шеф сразу направился бы к лимузину с его живительной кондиционированной прохладой, а тут не торопится – стоит и ритмично, будто отбивает такт, постукивает кулаком о ладонь. Понятно, что хочет сказать нечто для него важное, но почему-то не говорит. Наверное, подбирает подходящие слова.

– Борис Николаевич, что-то случилось?

Тот смотрит вроде бы на меня, но отвечает определенно кому-то другому, скорее всего, самому себе:

– Не надо было мне говорить про «обновленный социа-

лизм». Непонятно это американцам. После таких-то вот прилавков...

Следующий и последний пункт нашего назначения – Майами. Здесь нам предстоит прожить пару дней в отеле, принадлежащем «кукурузному королю» Америки Дуэйну Андреасу. И что самое приятное, на самом берегу океана. Может, удастся окунуться в воды Атлантики? Хорошо бы. Хоть какие-то положительные эмоции.

«Король» присылает за нами свой самолет, и через два с половиной часа мы уже в жаркой и душной бане, именуемой Флоридой. Андреас встречает нас в холле, как долгожданных гостей. Судя по развешанным повсюду фотографиям нашего хозяина в обществе всевозможных знаменитостей, от президента Буша до какого-то шоумена в индейских одеждах, его жизненные интересы кукурузой не ограничиваются. В отеле, кроме нас, нет других постояльцев. На этажах тишина и безлюдье. И это удивляет. Можно, конечно, предположить, что сентябрь в этих краях – не сезон, и никто не едет. Но чем тогда объяснить, что на тянущейся вдоль океана авеню мы видели так много людей в пляжном облачении? Трудно представить, что Андреас распорядился освободить от постояльцев огромный отель только ради мистера Ельцина и его свиты. И еще одна странность: почему-то нас селят не в гостиничных номерах, коих на любой вкус, а в личных апартаментах хозяина и его семьи. Непонятно. Хотя одно объяснение все-таки есть: портье в холле обмолвился, что

сразу после нашего отъезда отель закроется на реконструкцию.

Мы с Ярошенко занимаем квартиру дочери Андреаса. У нас разные спальни, но гостиная, кухня и прочие бытовые прелести общие, что создает некоторый дискомфорт. Оказывается, от советского аскетизма можно отвыкнуть буквально за несколько дней. Не прошло и недели, как мы приехали в Штаты и пожили в отелях категории «5 звезд», а нам это уже кажется нормой, тогда как отечественная практика расселения в номера по двое, трое и более командировочных – издевательством над человеческой природой.

На сегодняшний день Андреас запланировал для Бориса Николаевича всего одно мероприятие – коктейль и ужин с участием нескольких представителей городской элиты. При чем для этого не надо никуда ехать. Все будет происходить здесь же, на последнем этаже отеля. При этом произнесение речей не предполагается ни со стороны хозяев, ни со стороны гостей. Сначала фуршет (по-нашему – общение с бокалом в руке), после – ненавязчивая беседа за ужином. Хозяин обещает богатый выбор блюд из морепродуктов и всевозможные напитки. Последнее очень беспокоит Суханова:

– Ох, ребята, как бы не повторился Балтимор!

Ярошенко предлагает рискованное, но весьма изобретательное решение:

– Надо предложить шефу такой вариант: за ужином выпивкой не увлекаемся, а после, когда все разойдется, выйдем

на берег и посидим на песочке у океана своей компанией.

– А где возьмем спиртное? При всех со стола как-то неудобно...

– Павел, ты видел – у нас в квартире на столе в гостиной стоит ваза с фруктами, а в холодильнике бутылка виски?

– Видел. Но это, наверное, хозяйское.

Суханову с Ярошенко мое возражение не кажется разумным:

– Хозяева знали, что мы будем у них жить? Знали. Значит, для кого они все это оставили? Для нас, для кого же еще?

Предложение устроить прощальные посиделки на берегу океана, а, может, и искупаться, Ельцину нравится. Видимо, все-таки устал за время поездки, и мысль, что это ее финал, что завтра домой, его радует. Мы давно не видели шефа в столь добром расположении духа. Но, увы, приходят Алференко с Гаррисоном, и благостный Ельцин вновь становится раздраженно-недовольным. Ему предлагается подписать напечатанный на бланке Института Эсален «Меморандум о намерениях», в котором его настораживает первый пункт: **«В соответствии с американской бизнес-практикой мистер Ельцин имеет право на чистые доходы. Мистер Ельцин полностью отказывается от этих доходов».**

Он вопросительно смотрит на нас с Сухановым и Ярошенко: подписывать, что ли? Нам троим тоже не нравится такая формулировка – «полностью отказывается». Как ее прика-

жите понимать? Между нами и Алференко по этому поводу возникает дискуссия. Сначала он объясняет свои резоны достаточно дружелюбно, но постепенно теряет над собой контроль и сгоряча произносит фразу о каких-то непредвиденных расходах, которые якобы из-за нас понес Гаррисон. Она еще более настораживает Ельцина:

– Если я полностью откажусь от этих денег, то и вы после откажитесь покупать одноразовые шприцы. Скажите, что денег нет, что все съели эти самые непредвиденные расходы.

– Во втором пункте «Меморандума» черным по белому сказано: все доходы должны быть посвящены исключительно и специально для борьбы со СПИДом в СССР, в соответствии с указаниями господина Ельцина. Как же мы после этого откажемся?!

– Ну и зачем же тогда мне «полностью отказываться»? Чтоб после упрашивать: «Купите, привезите!», так что ли?

– Чтоб мы могли приобрести шприцы без вашей доверенности. Гаррисон же не будет всякий раз летать за ней к вам в Москву.

Ельцин снова поворачивается в нашу сторону: подписывать? Пояснения Геннадия не кажутся убедительными, есть в них какая-то хитринка, но, вполне возможно, это какая-то американская бизнес-хрень, которую мы не знаем и не понимаем.

– Подписывайте, Борис Николаевич!

Я и сейчас, верни меня то время, сказал бы: подписывайте! Почему нет? Все равно вы никогда и ни от кого не узнаете, где и сколько денег получили за свои лекции про нерешительность Горбачева, про необходимость сузить фронт экономических реформ и про то, как вам в голову вбивали коммунистические догмы «Кратким курсом истории ВКП(б)». Да и к чему задумываться о суммах, если не прояснен главный вопрос – откуда взялись все эти деньги, из какого кошелька?

То, что с нашей стороны в качестве партнера выступил столь экстравагантный персонаж, как Геннадий Алференко со своим «Фондом социальных изобретений», – это еще как-то можно понять и объяснить. Но почему в Америке деньги на визит и доходы от него шли через Институт Эсален? Какая связь между идеей политической модернизации СССР и основной целью деятельности этой американской организации, которая формулируется весьма оригинально: «Движение за развитие человеческого потенциала»?

Понятное дело, я – журналист, и у меня в ту пору не было других возможностей посетить Америку. А хотелось. Отсюда и всеядность. Но Ельцин?! Советский политик первой величины! Как он мог не обратить внимание на то, что путешествует на средства и при организационной поддержке коммуны-поселения (а Институт Эсален, согласно его уставу, есть не что иное как коммуна-поселение), которую многие в США считают прибежищем наркоманов и бездель-

ников? Более того, которая, по сведениям из разных американских источников, отчасти финансируется Госдепартаментом США и ЦРУ, и, по целому ряду направлений, сотрудничает с этими правительственными учреждениями. Кстати сказать, сей печальный факт несколькими годами позже подтвердил мне один из тогдашний руководителей Службы внешней разведки России.

...Так что подписывайте, подписывайте, Борис Николаевич, и ни о чем таком не думайте. Станете президентом, ничего не вспомнится.

Ужин у Андреаса похож на все предыдущие ужины, хотя и чуть менее чопорный. Вопросы за столом тоже не умнее и не глупее тех, что задавались за другими столами. Разве что здесь, на курорте, это делается с менее постными лицами. Зато отвечает на них Борис Николаевич так, словно в голове у него магнитофон. Он, как выяснилось в ходе этой поездки, вообще не любитель политических импровизаций. Если что-то раз посчитал удачным, повторяет это всюду, невзирая на характер и настрой аудитории. Так что мы уже выучили его «американские тезисы» наизусть, и любой из них можем повторить без запинки и в нужной последовательности.

Вечер окончен. Гости откланялись, не забыв выразить Ельцину свое восхищение и благодарность за антикоммунистическую позицию. Прощаемся с хозяевами и тоже расходимся по своим квартирам. Шеф выполнил-таки обещанное

– он лишь слегка навеселе.

– Пойду сниму костюм, – к Борису Николаевичу вернулось благодушие, утраченное из-за дебатов по «Меморандуму», – и через полчаса встречаемся на берегу.

Чтобы портье в холе не заметил похищенную мною бутылку виски, заворачиваю ее в полотенце (вроде как иду окунуться в ночной океан). Ярошенко складывает в полиэтиленовый пакет стаканы, фрукты из вазы и кое-какую закуску, обнаруженную нами в холодильнике. Перед самым выходом вспоминаю об Алференко: его-то зовем? Виктор пожимает плечами: мол, пусть Суханов сам решит или у шефа спросит.

Какая темная ночь! И какие невероятно яркие, крупные звезды! Здесь они совсем не такие, как в России. А такого песчаного пляжа никто из нас вообще отродясь не видывал. Фантастика! Кажется, все это происходит не наяву и не с нами!

Впереди что-то нашептывает укрытый ночной мглой океан. Позади легкомысленно сверкает огнями незасыпающий Майами-Бич. Наверное, впервые за эти семь дней мы общаемся без напряжения. Всем легко и беззаботно, даже Геннадий Алференко, смертельно уставший (это надо признать) от оправданий перед прессой за необдуманные слова и поступки нашего шефа.

– Ну, давайте вот за что выпьем...

Мне кажется, Борис Николаевич вознамерился прямо здесь, на пляже, подвести итоги нашего турне. Но ошибаюсь.

Он о другом.

– Все эти дни я наблюдал за вами. Я же вас плохо знал. Мы, понимаешь, первый раз вместе в таком серьезном деле. Так вот, – Ельцин делает многозначительную паузу и окидывает взглядом внимающую его речам компанию, – давайте пообещаем... поклянемся!... что никогда не предадим друг друга. Никогда!

– Обещаю! Клянусь!

– И я клянусь!

– Конечно. Я тоже!

То ли мы устали за эту шальную поездку, то ли виски в сочетании с океанским воздухом пьянит сильнее, но в отель возвращаемся в легком подпитии и даже слегка покачиваясь. Ельцин обнимает меня за плечо, и не от избытка отеческих чувств, а потому что ему так устойчивее. Уже у лифта он вдруг притягивает меня к себе и шепчет в самое ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.